

Солженицын Александр
Исаевич

26.10.94.

Курантос. — 1994. — 26 окт. — с. 4.

СОЛЖЕНИЦЫН В ГОСТЯХ У ДУМЦЕВ,

или Второе явление
серебряноборского
отшельника

История, дама капризная, распорядилась таким прихотливым образом, что явление в Госдуму прямиком с дачи в Серебряном бору Александра Исаевича Солженицына должно состояться за несколько дней до заслушивания с той же трибуны Павла Грачева. Таким образом, перед жилищно неудовлетворенным парламентом России предстанут два любимца пишущей братии, которые вольно или невольно олицетворяют две наши общественно-государственные тенденции: падение авторитета власти, при которой вышестоящий начальник отличается от нижестоящего лишь более широким полем для поиска дежурных козлов отпущения, и сохранение влияния неформальными лидерами, властителями дум.

Впрочем, явление Солженицына в Госдуму сродни недавнему визиту в Россию королевы английской. Второго послания парламенту, во всяком случае при нынешнем составе, он уже не зачитает. Само же явление, встреча Александра Исаевича с избранниками народа, гораздо важнее никому пока не известного и не озвученного текста. Ведь на трибуну поднимется не писатель Солженицын, не просто жертва тоталитарного режима и даже не пророк (их в Отечестве по-прежнему нет). В уютном зале окажется сложнейший символ, олицетворение общественных иллюзий, мечтаний и заблуждений. И тут просто не обойтись без нена видимого писателем иностранного словечка "имидж".

Действительно, Солженицын, признаемся себе, не Ганди и не Лев Толстой. Его слово-то горами не двигает. Большинство опрошенных, даже из числа уважающих патриарха, так толком его произведений не прочли.

Многие в родной Солженицыну провинции, которую он с щиком противопоставляет космополитичной Москве, вообще его книг в руках не держали. Для них Солженицын прежде всего страдалец, от власти претерпевший.

Не стоит, однако, черезсур примитивно мыслить категориями автора статьи, опубликованной недавно за подпись В.В.Ж. Из того складного текста следует лишь один непрятательный вывод: писатель — непреднамеренная креатура Юрия Андрапова: не гнали бы его, не высыпали бы, сидел бы ныне Солженицын в тоске в ресторане Дома литераторов да жаловался на невозможность изиться при демократах социальным тиражом.

Но, признаемся себе, сколько фигур, заблестевших под лубянским прожектором, в новых условиях напоминают золотых рыбок, вытащенных из аквариумов. Солженицын оставил самим собою и в любой обстановке.

Не знаю уж, интуитивно ли, по здравому ли размышлению,

но Солженицын сразу напрочь отверг политическую попсу. Ведь сказано: "Мудрейшие всегда незаметны!" Солженицын не смешивается с толпой, с властью, с коллегами, с журналистами. Его телевизионные послания сравнимы лишь, пожалуй, с предвыборным соло все того же Жириновского. Один за

вершал свое очередное выступление вестью о том, что, мол, в следующий раз он обратится к молодежи или военнослужащим, другой каждый раз обнадеживает зрителей тем, что на следующей неделе поговорит об образовании или состоянии всеобщей нравственности. Телевизионные монологи писателя, по форме напоминающие свободные проповеди, отражают еще одну черту его имиджа. Солженицын со временем "пересечения вермонтской пустыни" не имеет привычки ни с кем вступать в диалог. Он органически не способен никого слушать. Он не спорит даже, не дискутирует, он отверзает уста для сообщения только ему изве-

стной истины, явившейся ему как откровение свыше. Надо сказать, что в Вермонте такой стиль общения был куда более естественным. Тогда одиночки-гонцы, допущенные в закрытое для посторонних имение, стремились к нему за мудростью, проросшей на воле, стремились, как к старцу, пророку.

В России такая игра в одни ворота вызывает скорее недоумение. А ссылки писателя на то, что за время путешествия в вагоне Би-би-си он уже вдосталь наслушался гласа народного, выглядят наивной хитростью. Впрочем, выступление Солженицына с парламентской трибуны, его по-

слание нации неплохо влияются в такую манеру общения с русским народом. Ведь парламентский спич, ясное дело, будет полностью телевизирован, а потому его можно считать очередным телеобращением на тему "Избранные народом". Как их обстроить в России?.

С самим русским народом у Солженицына отношения в стиле доброго барина с мужиками, которые ему усадебу сожгли. Пока писатель славил закабаленное властями и налогами трудолюбие народа, строители, сооружавшие его "крепость" в Троице-Лыкове, привели дом в негодность для жилья и размышилений над судьбами России. Пожалуй, мы первыми сообщили, что у Солженицына в Троице-Лыкове поехала крыша, в смысле: возникла необходимость полностью перекладывать кровлю. А теперь ясно, что весь дом надо серьезно перестраивать — слишком много халтуры и недостатков. Это просто лишний штрих к трагедии русской сермяжности.

Но нас сейчас скорее интересует реакция на Солженицына не народа в целом, который, за исключением ненавистников из числа фанатиков-коммунистов, относится к нему в основном с благожелательным нейтралитетом, а политиков и парламентариев.

Полагаю, что думцы догадываются: свой спич Солженицын начнет с какого-нибудь классического оборота типа "Со всех сторон раздается стон...", а потому их штабы лишний раз моделируют чисто партийное отношение к живому классику.

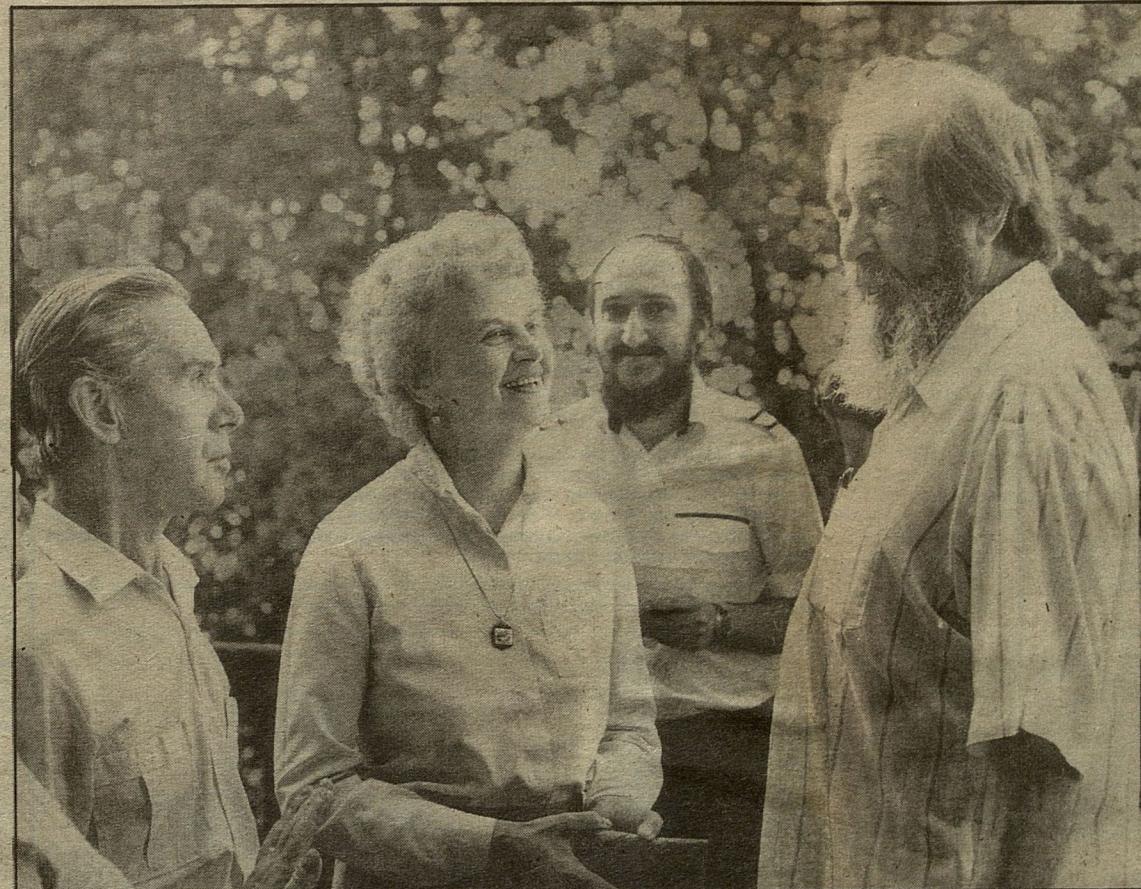
Пикантность ситуации придает как раз то обстоятельство, что "Солженицын никому не принадлежит" — в том смысле, что особенно ни одной политической партии и группировке он просто не нужен. Ясно, что никому не удастся поднять его заместо знамени по той простой причине, что Солженицын, как мы уже отмечали выше, просто не способен на кооперативность, на диалог, на координацию позиций. А быть на каждой свадьбе невестой, так претендентов на столь выигрышное амплуа в каждой фракции хватает. Просто никаких свадеб не напастись!

Поэтому-то в данном варианте позиции партий совпадут с общенародной позицией: благожелательный нейтралитет с заметной дозой воздания должного за прежние заслуги. Тем более что с трибуны писатель будет классической иллюстрацией фразы "Аз всем воздам" — и демократам за настоящее, и коммунистам с союзниками за прошлое. По аграриям косвенно пройдется за колхозы, по "женщинам" — за излишнюю эманципированность. Так что делить действительно будет нечего. Okranya оплеух. Но пророкам простиительно. Жечь глаголом — так на тысячи ватт.

Ну а дальше, видимо, небольшой вечер ответов на общие вопросы, благодарность за боль за Отечество и не исключено, что фотографии с писателем на память — коллективные и индивидуальные. Такая фотография в отличие от слов, что, словно воробы, разлетаются, вполне подшивается к "делу". Авось пригодится.

К понедельнику шум утихнет и все войдет в привычную колею...

Михаил ШИПАНОВ.
Фото ИТАР-ТАСС.

■ Так винили Солженицына. Как его встретят в Государственной думе?